

витым подстрекательством своей распутной сожительницы, он отправил в изгнание священнослужителя, убеждавшего его положить конец блуду. Изгнанник, дождавшись блаженной кончины, своими частыми и великими чудесами явил нашему миру, какой славою он оваян на небе. Услышав об этом, граф не воздержался от своей наглой велеречивости; он во всеуслышание заявил, что сожалеет о том, что не ускорил епископу смерти, дабы святая душа его получила более щедрое воздаяние и он обрел бы небесное упокоение благодаря его (графа) ярости».

Порой рассказы о нем больше похожи на анекдоты. «Я слышал, что некий граф Пуатевинский пожелал испытать, какие человеческие занятия наиболее привлекательны. Изменив свой облик, он познал всевозможные человеческие занятия, нравы, положения и сообщества всяких людей и, возвратившись к прежнему своему положению, заявил, что наиболее привлекательна жизнь купцов в торговые дни: они посещают кабаки, в которых неизменно находят, какие ни пожелают, всегда готовы для них развлечения, чему препятствует только одно —окончательный расчет, который им надо произвести по всем перенесенным ими тратам и оплатить сполна, вплоть до последней мелочи, что они перед тем задолжали».

Однако дурная слава не мешала подхалимам, когда они хотели выпросить у него что-нибудь. Вот пример. «Гильому, главе всего войска и преславному герцогу Аквитанскому, Гальфред, служитель Вандомского монастыря, желает в настоящем победы над врагами, а в будущем вечной славы... Вам же, герцог жизни похвальной, коего Господь почтил телесною красотой и душевным величием превыше всех в мире, дабы сделать вас, превосходящего внешностью сынов человеческих, прекрасным и великим также на небе, никоим образом не подобает дозволить, чтобы наш монастырь, достойным образом построенный вашими предками по их воле и их иждивением, был унижен и ущемлен в своем достоянии. Если вы допустите это, вам следует опасаться, как бы ангелы не оповестили предков